

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94(38)

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-795-804

Оригинальное исследование

Идеал героизма у эллинов и образ героя классической Эллады у Плутарха в свете греческой *пайдейи*

Бутов А.А.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского,
Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83
E-mail: butovaa93@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные черты характера героя в произведении Плутарха «Сравнительные жизнеописания» со стороны греческой пайдейи. Во-первых, важное значение имеют культурные истоки данного явления, а именно связь с такими понятиями, как «идеал» и «образ». Во-вторых, рассматривается подход Плутарха к творчеству в его произведении, влияние на его воззрения античной философии. В-третьих, автор анализирует место пайдейи в системе элементов, используемых херонейским писателем при создании образа Героя. В статье раскрывается значение такого понятия, как «добродетель», которое занимает важное место в этой системе. Раскрывается связь между аристократическими идеалами воспитания личности и образом человека эпохи Классики, который создает Плутарх. Важно отметить, что и негативные черты характера героя зачастую тесно примыкают к тем духовным качествам, которые вызывают восхищение. Автор приходит к выводу, что древние идеалы воспитания, восплаемые еще в «Илиаде» Гомера, были устойчивы и продолжали влиять на духовную культуру эллинского мира в течение всей античной истории, а посредством Плутарха они заняли свое место и в духовной культуре всей европейской цивилизации.

Ключевые слова: пайдейя, античная биография, человеческий характер, Плутарх, герой, греческая культура

Для цитирования: Бутов А.А. 2024. Идеал героизма у эллинов и образ героя классической Эллады у Плутарха в свете греческой *пайдейи*. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 795–804. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-795-804.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Hellenistic Ideal of Heroism and the Image of Hero of Classical Greece by Plutarch in the Light of Greek *paideia*

Artyom A. Butov

Saratov State University,
83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia
E-mail: butovaa93@yandex.ru

Abstract. The article examines the main characteristics of the hero in Plutarch's work “Parallel Lives” through the Greek *paideia*. Firstly, the author focuses on the cultural origins of this phenomenon, namely

© Бутов А.А., 2024

the connection with such concepts as "ideal" and "image". Secondly, Plutarch's approach to creativity is considered and the influence of ancient philosophy on his views. Thirdly, the author analyzes the place of *paideia* in the system of elements used by the Chaeronean writer when creating the image of the Hero. The article reveals the meaning of the "virtue" concept which occupies an important place in this system. It shows the connection between the aristocratic ideals of personality education and the image of a man of the Classical era created by Plutarch. The Hero's negative character traits are often closely adjacent to those spiritual qualities that cause admiration. The author concludes that the ancient educational ideals glorified in Homer's *Iliad* have perseverance and continue to influence the intellectual culture of the Hellenic world throughout ancient history. Due to Plutarch, they take their rightful place in the intellectual culture of the entire European civilization.

Keywords: *paideia*, ancient biography, human character, Plutarch, hero, Greek culture

For citation: Butov A.A. 2024. The Hellenistic Ideal of Heroism and the Image of Hero of Classical Greece by Plutarch in the Light of Greek *paideia*. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 795–804 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-795-804.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Центральное место в человеческом обществе занимают *герои* – представители особого типа личности, которые по своим достоинствам превосходят простых смертных, уступая в этом отношении лишь богам. За время существования цивилизации содержание термина *герой* претерпело некоторые изменения, сохраняя, однако, свой основной смысл. Слово *ἥρωες* (*ἥρωος* – gen. sing., *ἥρωες* – nom. pl.) существует в древнегреческом языке со времен гомеровского эпоса и означает «славный муж, богатырь» [Frisk, 1991, p. 644]. Так назывались, с одной стороны, цари и воины – участники легендарной Троянской войны, а с другой – сыновья или потомки божества и смертного человека, мифические родоначальники городов и народов [Вейсман, с. 392].

Т. Карлейль полагал, что всемирная история, всё то, что человек совершил в этом мире, – это история великих людей. «Они ... были *вождями* человечества, *воспитателями*, *образцами* и, в широком смысле, *творцами* всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достигнуть. ...История этих последних составляет поистине *душу* всей мировой истории» [Карлейль, 2008, с. 7]. По его мнению, великий человек – источник небесного света, который является даром, истоком природной прозорливости, мужества и героического благородства [т. е. *добродетели* – А.Б.]. Этот дар позволяет человеческим душам чувствовать себя хорошо (all souls feel that it is well with them) [Там же]. В несокрушимости культа героев Т. Карлейль был склонен видеть «вечный алмаз» [у британского историка – *everlasting adamant* (вечная твердыня)¹], дальше которого не может пойти беспорядочное разрушение, обнаруживаемое революционным ходом вещей... Это – вечный краугольный камень, на котором снова будет воздвигнуто здание». В почитании героев историк видел «живую скалу среди всевозможных крушений, единственно устойчивую точку» в современной ему революционной истории, которая иначе представлялась бы «бездонной и безбрежной» [Карлейль, 2008, с. 21].

Герою историческому и герою литературному предшествовал мифологический герой. Е.М. Мелетинский считал, что в архаических мифологических системах герои обычно сравниваются с великими предками, а в более развитых оказываются легендарными древними

¹ Ср. *ἀδάμας* – «непреклонный, неумолимый» [Дворецкий, стб. 31]; «неодолимый», упоминаемый впервые у Гесиода мифический металл – сталь, которая по своей твердости служила будто бы материалом для различных орудий, употреблявшихся *богами*, напр. для серпа Крона [у Гесиода – *ἀδάμαντος*], для шлема Геракла, для оков Прометея, для плуга Эета и др. [Любкер, 1885, с. 16–17]. В связи с этим термин, выбранный Т. Карлейлем, обладает более глубоким смыслом.

царями или военными вождями, в том числе носящими исторические имена [Мелетинский, 1994, с. 296]. В качестве примера героев второго типа можно привести главных действующих лиц «Илиады» Гомера, которые являются в первую очередь *царями и воинами*. Значимый элемент истории о мифологическом герое – рассказ о его необычном рождении, удивительных способностях и раннем достижении зрелости, а также о его обучении и предварительных испытаниях. Это важная часть героического мифа, и она предшествует описанию подвигов героя [Мелетинский, 1994, с. 297]. Всё это напрямую касается греческой *пайдейи*.

Герой, по Е.М. Мелетинскому, очень «подвижен», и его многочисленные контакты, в особенности «враждебные», способствуют развитию сюжета эпического или литературного произведения; активность героя в развитых образцах мифа и эпоса приводит к формированию особого *героического характера* – смелого, неистового, склонного к переоценке собственных сил [Мелетинский, 1994, с. 296]. Подобному типу персонажей присущи такие характеристики, как *мудрость, хитрость и деятельность* [Неро, 1910, р. 374–375]. Всё это в совокупности и представляет собой некий идеал героизма у эллинов, который по-разному воплотился в различных исторических и литературных жанрах, в том числе и в *жизнеописаниях*.

Произведение биографического жанра (*βίος*) ставит своей целью описание и изучение отдельных людей: их личности, характера, истории их жизни. Пристальное внимание к выдающимся личностям, жившим в разные исторические эпохи, вполне закономерно и понятно, ведь в какой-то степени их можно назвать *героями*². Такие личности, достигающие успехов в тех или иных сферах деятельности, зачастую являются *primi inter pares*. Первые известные нам произведения, имеющие признаки биографии, относятся к IV в. до н. э. (см., напр., энкомий Исократы «Эвагор» [Фролов, 2013, с. 181–199]). Чаще всего они содержали сведения справочного характера либо являлись хвалебными речами.

Однако Плутарх, который родился и прожил практически всю свою жизнь в небольшом беотийском городе Херонея (провинция Ахейя), синтезировал опыт своих предшественников и привнес в этот жанр много нового. На протяжении долгих лет он работал над своим, пожалуй, главным и, несомненно, самым известным трудом – «Сравнительными жизнеописаниями» (*Βίοι παράλληλοι*). Основными действующими лицами этого собрания биографий являются *герои прошлого*. Но они значительно отличаются от тех мифологических, легендарных и эпических персонажей, которые сражались под стенами Трои, побеждали некое хтоническое чудовище или проходили между Сциллой и Харибдой. Как заметил А.Ф. Лосев, «...вся классика живет героизмом, а героизму нельзя было научиться, героизм давался только самой природой, то есть только богами». Древние герои, по его мнению, «были либо прямыми, либо косвенными потомками только самих же богов. Но сделаться героем было нельзя. Можно было только родиться героем и усовершенствоваться в героизме». В результате исследователь делает заключение: «...древнегреческий классический героизм – это область не педагогическая, не воспитательная и потому не моралистическая» [Лосев, 1983, с. 25]. Плутарх же повествует о героях другого типа.

Херонейский биограф (родился между 45 и 50 гг. и умер ок. 120 г. н. э.) [Ziegler, 1979, 945–946] жил в переходную эпоху, когда, по его словам, Эллада находилась под пятой «римского сапога», но при этом готовилась войти в эпоху «греческого возрождения» (или «второй софистики») II в. н. э. Этой эпохе свойственно превращение классики в эстетический идеал, восторженное любование ею без какого-либо желания пользоваться ее старинными художественными приемами всерьез и на самом деле [Лосев, 1983, с. 27]. Именно в этот период разворачивается активная творческая и воспитательная деятельность Плутарха. А.Ф. Лосев характеризует херонейского философа как «моралиста». «Моралистика – это его подлинная стихия, беззаветная тенденция всего его творчества, никогда не угасающая любовь и какое-то педагогическое наслажденчество» [Лосев, 1983, с. 26]. Таким образом,

² Можно согласиться с Т. Карлейлем, что человеческое общество основано на почитании героев. См.: [Карлейль, 2008, с. 17].

биограф пытается воспитать молодых людей в духе классического эллинского *героизма*. Плутарху необходимо создать *образ*, взяв за основу определенный тип личности, который он находит, прежде всего, у государственных деятелей и полководцев прошлого и придает ему определенную идеальную форму. Как поступает с мрамором искусный скульптор, так и Плутарх создает из деятелей эпохи античной классики фигуры притягательные, чарующие и возвышенные, которые при этом вовсе не лишены недостатков³.

Таким образом, необходимо сопоставить идеал героизма у греков эпохи Архаики и Классики с тем образом героя классической Эллады, который создал Плутарх в его «Сравнительных жизнеописаниях», и определить специфику этого образа. Важным в этом отношении является *παιδεία* – фундаментальное понятие греческой цивилизации.

В своих биографиях Плутарх уделяет пристальное внимание различным элементам, которые составляют создаваемые им образы героев. Одним из самых главных понятий, которые позволяют понять и оценить эти элементы, как раз и является *παιδεία*. Под этим термином подразумевается, прежде всего, *воспитание* и *обучение* человека⁴. Однако это понятие гораздо шире какого-то одного из направлений деятельности человека: оно обозначает, помимо «воспитания» и «обучения», также «культуру», «искусство»; куда ближе с первым его значением соотносятся такие понятия, как «детство» и «юность», а также «наказание» [Дворецкий, 1958, Т. II, с. 920] (судя по всему, используемое непосредственно в процессе воспитания). Здесь следует в первую очередь рассмотреть термин *παιδεία* в значении «культура». Именно духовные стороны *παιδείας* интересовали эпических поэтов, Гомера и Гесиода, а также таких философов, как Платон и Аристотель, и многих других авторов. Это напрямую относится и к Плутарху.

Объект и методы исследования

В статье рассматривается подход Плутарха к использованию элементов греческой *παιδείας* в образах героев классической Эллады, создаваемых им в «Сравнительных жизнеописаниях». Для решения этого вопроса применяются принятые в современном антиковедении методы критики и источниковедческого анализа, а также общенаучные методы изучения исторического материала (анализ, синтез, аналогия и сравнение) и, кроме того, специальные методы исторического исследования (нарративный и сравнительный). Используются методы терминологического и лексического анализа таких ключевых для темы нашего исследования греческих слов, как *ἀρετή*, *βίος*, *ἐγκώμιον*, *ἥρως*, *ιδέα*, *μεγαλοψυχία*, *παιδεία*, *φιλοτιμία* и др. Важным в методологическом отношении является труд В. Йегера, в котором автор детально разбирает различные аспекты как греческого восприятия *культуры*, так и понимания ими *παιδείας* [Йегер, 2001].

Результаты и их обсуждение

Автор сравнивает терминологию нынешней эпохи с аналогичной древней: «В сегодняшнем расхожем словоупотреблении мы, конечно, используем понятие культуры по большей части не в этом смысле – как *идеал*, принадлежащий только послегреческому человечеству, но чрезвычайно тривиализируем его значение, распространяя его на все народы Земли, в том числе и примитивные...». В. Йегер подчеркивает, что под культурой понимается «не что иное, как жизненные проявления и жизненные формы, характерные для того или иного народа». Таким образом, по его мнению, «слово “культура” скатывается ... до уровня простого антропологически-описательного понятия, это больше не обозначение *высшей ценности*, не *осознанный идеал*» [Йегер, 2001, с. 15].

³ Подробнее о Плутархе как о воспитателе см. 3-ю главу The Cambridge Companion to Plutarch: [Duff, 2023, pp. 47–78].

⁴ О моделях воспитания у Плутарха см.: [Duff, 2008].

Итак, отсюда следует, что эллинское понятие *культуры* значительно отличается от современного. Но что стало тому причиной: две с лишним тысячи лет хода человеческой истории или же что-то иное? Быть может, необходимо обратиться к видению древних греков, попытаться взглянуть на духовную составляющую человеческого общества с их стороны? В. Йегер так описывает желание современных наследников античной цивилизации обратиться к истокам ее культуры: «... неизбежно пробуждается стремление проникнуть в глубокие слои исторического бытия, где родственный дух греческого народа образовал из жизненной лавы для себя форму, сохраняющую до сих пор ее жар и увековечивающую момент творческого прорыва» [Йегер, 2001, с. 17].

Говоря о таком важном понятии, как «образ», необходимо обратить внимание на то, что в греческом языке ему соответствует слово *иде́а* – *вид, образ; идея, первообраз; подлинный и истинный образ всего сущего, как он постигается умом; идеал, самая суть* [Вейсман, 2006, стб. 621]. То есть «идеал» и «образ» переплетены настолько тесно, насколько это вообще возможно. Данный термин является ключевым в философии Платона, которая оставила свой след во всей западной культуре, мощное влияние оказала она и на Плутарха [Лосев, 1983, с. 14]. В. Йегер так подмечает фундаментальную важность данного термина для понимания эллинской цивилизации: «... платоновская *идея* – полностью самобытный, специфически греческий мыслительный *образ* – дает нам ключ к духовным свойствам греков и в иных областях» [Йегер, 2001, с. 20].

Обращаясь к особенности «эллинского духа», следует дополнительно привести еще одну цитату из труда В. Йегера: «Особенность положения греческого мира в истории воспитания человека покоится также на аналогичных особенностях его внутренней организации, на всемогущем пристрастии к форме, с которым грек подходит не только к эстетическим задачам, но и к жизненным обстоятельствам...» [Йегер, 2001, с. 21]. Здесь автор непосредственно связывает между собой *пайдейю* и *культуру* в целом.

Он повествует о гуманизме греков в значении приведения человека к его истинной форме, «форме человека как такового». «Это подлинная греческая *пайдейя* в том виде, в каком римский государственный муж воспринимал ее как *образец* [курсив мой – А.Б.]» [Йегер, 2001, с. 22–23].

Здесь следует отметить тот факт, что «Сравнительные жизнеописания» Плутарха уже по самому своему замыслу и по структуре иллюстрируют тесную связь между греческими деятелями и римскими. И даже *синкрисис*, как правило, завершающий пару биографий, в котором описывается не только сходство между ними, но и различие, в большей степени объединяет их, нежели противопоставляет. Понять причину этого можно, обратившись к самой эпохе, в которой живет и действует херонейский мыслитель. Он, как и его персонажи, человек своего времени, несмотря на всю свою тягу к классике.

Эту тягу как нельзя лучше описывает В. Йегер: «Греция поздней эпохи, эпохи начала Империи, прежде всего объявила произведения более счастливых для своего народа времен классическими в таком вневременном смысле – частично как образцы для формально-эстетического подражания, частично как моральные примеры. Тогда – после слияния истории Греции с историей римской мировой державы – греки потеряли значение самостоятельной нации, и почитание традиции стало для них единственным высшим жизненным содержанием» [Йегер, 2001, с. 24].

Следует обратить внимание на тот факт, что в биографическом жанре до Плутарха было два основных направления: *энкомиастический* и *фактологический*. Первый можно назвать «хвалебным», поскольку *εὐκρίμιον* обозначает «похвальное слово», «хвалебную речь», «хвалу» [Дворецкий, 1958, Т. I, с. 453]; второй же характерен сбором разрозненных сведений о персонаже (в том числе колких сплетен, что весьма свойственно для эпохи разложения полисной морали).

С.С. Аверинцев пишет: «Вообще, государственному мужу было тем легче стать героем биографического сочинения, чем более одиозным было его имя (по крайней мере, для восприятия

писавшего)». Далее он приводит в пример Стесимброта Фасосского, который превратил фигуры Фемистокла, Фукидида (сына Мелесия) и Перикла в гротескные маски, «насколько возможно демонументализировав» их жизнь [Аверинцев, 1973, с. 169]. Когда Стесимброт рассказывал о частной жизни Перикла, он использовал метод разоблачения семейных тайн и различные сплетни. Важно отметить тот факт, что Плутарх, который известен своим некритическим отношением к источникам, реагирует на сведения подобного рода негативно (Plut. Pericl. 10; 13). К тому же в подобном подходе к творчеству беотиец видел помеху своим идеалистическим установкам и намерению вновь «монументализировать» образ Перикла. С. Аверинцев подметил любопытный факт: инерция биографического жанра была настолько сильна, что Плутарх не мог обойтись совсем без упоминания подобных сведений [Аверинцев, 1973, с. 169–170]; с другой стороны, мотивом херонейского писателя мог быть сам его подход к литературному творчеству вообще: подобным образом он обвиняет Геродота в различных домыслах в труде, посвященном его «злокозненности» (впрочем, в данном трактате Плутарх критикует также и других греческих авторов).

По мнению В. Йегера, пайдейя исходит из идеи: «Выше человека – стадного животного и человека – мнимо автономного Я стоит человек как *Идея*: так всегда смотрели на него греки-воспитатели, подобно грекам поэтам, художникам и исследователям. Однако «человек как идея» означает «человек как общезначимый и обязывающий образец своего вида» [Йегер, 2001, с. 22–23]. «Образование невозможно без мысленного представления об образе человека, каким он должен быть, <...> решающее значение имеет *καλόν*, т. е. прекрасное в обязывающем смысле желательного образа, идеала» – добавляет он [Йегер, 2001, с. 29–30].

Следовательно, пайдейя не просто является элементом в создании *образа* человека, но она как бы возвышается над всем этим процессом, являясь источником всех преобразований в жизни каждого грека: клинок личности куется в кузнице, а молот, наковальня и огонь – есть сама пайдейя.

Фигура Александра Великого служила и служит до сих пор источником вдохновения для многих деятелей культуры. Не является исключением и вопрос пайдейи – произведений об Александре написано достаточно много, даже если учитывать те из них, которые происходят из IV в. до н. э. Несколько таких трудов в своем названии указывают на интерес авторов (который, вероятно, основывается на интересе их читателей) непосредственно к его воспитанию: к примеру, «Как воспитывался Александр» Онесикрата Астипалейского и «Воспитание Александра» Марсия из Пеллы [Аверинцев, 1973, с. 167–168]. Впрочем, произведений о воспитании других правителей тоже достаточно: в пример можно привести труды, посвященные Атталу и Цезарю Августу [Аверинцев, 1973, с. 172].

Образование В. Йегер называет «продуктом осознанного культивирования», и затем добавляет: «Это культивирование сначала исходит из узкого слоя, из благородного сословия нации. Греческий *καλός κύριος* классической эпохи выдает свое происхождение столь же явственно, как и английский *gentleman*». Развивающееся гражданское общество со временем перенимает эту модель у знати и распространяет на всех своих членов, превращая в общепризнанную норму [Йегер, 2001, с. 30].

Таким образом, нельзя отрицать того, что более высокая культура выросла из социального неравенства между людьми, обязанного своим существованием естественным различиям: телесным и духовным. Именно благородное сословие является внутренним источником возникновения культуры нации. Все позднейшее образование несет на себе след родовой дифференциации, даже если и меняется его содержание. «Образование есть не что иное, как последовательно все более одухотворяемая аристократическая форма жизни нации» [Йегер, 2001, с. 30–31].

Естественный лейтмотив истории греческого воспитания – <...> понятие *ἀρετή* (т. е. *добродетели*), восходящее до самых древнейших времен [Йегер, 2001, с. 31]. Пайдейя как процесс образования человека идеального типа тесно связана с философией и культурой древних греков, причем культурой в первую очередь аристократической, а значит, необходимо обратиться к понятию *арете*, используя при этом философские идеи как Платона, так и его ученика Аристотеля.

По Платону государство, если оно правильно устроено, будет совершенным, то есть оно мудро, мужественно, рассудительно и справедливо (Plat. Resp. 427e). Так же, по его мнению, следует расценивать и отдельного человека, поскольку в его душе имеются те же качества, что и в государстве (Plat. Resp. 435c). Отсюда он делает вывод, что в каждом из людей есть те же виды нравственных свойств, что и в государстве, поскольку государство состоит именно из людей (Plat. Resp. 435e). Таким образом, можно выделить четыре основных добродетели: σοφία (*мудрость*), ἀνδρεία (*мужественность*), σωφροσύνη (*рассудительность*) и δικάια (*справедливость*).

Согласно Аристотелю (Arist. Nic. Eth. I.13 1103a 4–10), добродетели бывают двух видов: 1) мыслительные (к ним относятся *мудрость, сообразительность, рассудительность*); 2) нравственные (в качестве примера приводятся *щедрость и благоразумие*). Философ о крайностях в характеристиках души пишет: «...существуют три наклонности, две относятся к порокам (δύο μὲν κακῶν) – одна в силу избытка, другая в силу недостатка – и одна к добродетели (μία δ' ἀρετῆς) – в силу обладания серединой; все эти [наклонности] в известном смысле противоположны друг другу, ибо крайние противоположны и среднему, и друг другу, а средний – крайним» (Arist. Nic. Eth. II.8 1108b 10–15).

Таким образом, получается, что нравственная добродетель достигается путем сохранения среднего положения между двумя пороками (Arist. Nic. Eth. II.9 1109a 20). Но всегда ли эта самая середина статична, или же она меняет свое положение в зависимости от ситуации? Аристотель дает нам ответ на этот вопрос: «<...> срединный склад во всех случаях заслуживает похвалы и что следует отклоняться в одних случаях к избытку, а в других – к недостатку, ибо так мы легче всего достигнем середины и совершенства» (Arist. Nic. Eth. II.9 1109b 25).

Тех же мыслей придерживается и Плутарх. Причем важно отметить, что главными героями его «Сравнительных жизнеописаний» являются именно государственные деятели. Даже Цицерон и Демосфен выступают в его труде не как риторы и ораторы (а значит, в то же время и писатели), а как люди политические: он намеренно обходит стороной их литературную деятельность [Аверинцев, 1973, с. 177]. В. Йегер верно подмечает то, что «человек, образ которого раскрывается в произведениях великих греков, – политический человек» [Йегер, 2001, с. 25]. По наблюдению В. Йегера, «греческая триада “поэт (ποιητής) – государственный деятель (πολιτικός) – мудрец (σοφός)” воплощает высшие ведущие силы нации. <...> Поэт с греческой точки зрения в определенном аспекте ближе законодателю, нежели художник: воспитывающее воздействие – вот что их роднит» [Йегер, 2001, с. 25–26]. Действительно, воспитывающее воздействие – это как раз именно то, что в первую очередь интересует Плутарха.

Любопытно, что беотийский философ отбрасывает поэтическую часть данной триады. Он концентрирует свое внимание на политической мудрости, в качестве примера которой можно привести учителя Фемистокла, Мнесифила (Plut. Them. II.4)⁵. Игнорирует поэтическую сторону человеческой личности биограф осознанно: как уже было указано выше, упор он делает на других проявлениях духа. Также необходимо добавить то, что он намеренно противопоставляет свои труды работам предшественников, героями которых зачастую были люди выдающиеся, которые отличались от остальных в первую очередь своей «экстравагантностью»: помимо монархов и тиранов основными действующими лицами в биографиях предшествующего периода («раннего эллинизма», как его называет А.Ф. Лосев [Лосев, 1983, с. 12–14]) были философы, поэты, риторы, музыканты, т. е. профессиональные деятели культуры [Аверинцев, 1973, с. 163].

Как минимум один великий поэт способен показать нам то, что мы ищем в греческой культуре. Это Гомер, который стал одним из важнейших, если не самым важным, творцом «духовной пищи» не только для каждого грека, но и для человека любой эпохи. Его эпос, в котором воспеваются доблесть, подвиги и превосходные качества знатных воинов, смело можно назвать «эллинским чудом».

⁵ Подробнее о Мнесифиле см.: [Frost, 1980, pp. 67–68].

Примеров проявления *арете* в «Илиаде» великое множество. Различными поединками усеяно все повествование, причем сражаются не только смертные, но и боги: тем самым герои (относящиеся одновременно к обоим мирам, небесному и земному) на их фоне выглядят еще более контрастно и ярко, сверкая, словно статуи, отлитые в бронзе.

Классическим примером соревнования в *арете* являются погребальные игры в честь погибшего Патрокла. Их особенность в том, что участники соревнуются в воинской доблести, однако при этом находятся в мирных условиях. Состязаются они в гонках колесниц, кулачном бою, беге, вооруженном поединке, метании диска, стрельбе из лука (Ном. II. XXIII. 285–897) ⁶. Это наглядно показывает, что славные мужи бьются за доблесть не только на поле брани, и этим насквозь пропитан эллинский дух.

В. Йегер комментирует это так: «Илиада» вообще является свидетельством высокого воспитательного сознания раннегреческой знати. Она показывает, что старинное воинское понятие *арете* уже не удовлетворяло поэта нового века, что она уже несет в себе новый образ совершенного человека, признающий наряду с благородством действия благородство духа и видящий цель в их сочетании. Примечательно, что об этом идеале заявляет старец Феникс, который был приставлен в качестве воспитателя к Ахиллу, образцовому греческому герою. В решающий час он напоминает юноше о том, для чего он его воспитывал: «Быть и тем и другим – уметь говорить слова и совершать дела» [Йегер, 2001, с. 35].

Говоря о совершенном человеке, нельзя обойти стороной такое понятие, как *μεγαλοψυχία* (*величие души*). У Аристотеля в его концепции добродетелей оно тесно связано с *φιλοτιμία* (*честолубие*). Величие души афинский философ называет украшением всех добродетелей, которая всем остальным придает величие и не существует без них. Он также считает, что *καλοκαγαθία* (*благородство, нравственное совершенство, честность, порядочность* [Дворецкий, 1958, Т. I, с. 868]) непременно необходима человеку, чтобы он был наделен по-настоящему великой душой (Arist. Nic. Eth. IV. 7 1124a 1).

Честолубие же, по Аристотелю, как уже было сказано выше, примыкает к великодушию самым тесным образом так же, как щедрость примыкает к великолепию (Arist. Nic. Eth. IV. 10 1125b). Неслучайно Плутарх в биографии Фемистокла в одной главе упоминает как о честлوبيи героя, так и о его тяге к роскоши, блеску и пирам (Plut. Them. V).

Заключение

Таким образом, можно проследить культурные истоки такого понятия, как пайдейя, сквозь призму аристократических идеалов, которые составляли собой основу всего процесса развития личности: ее воспитания, образования и укрепления.

Взгляд на этот феномен немецкого ученого Вернера Йегера раскрывает перед нами в красках значение греческой пайдейи, дополняя творчество мыслителей древности, которые также рассматривают данное явление, уходящее своими корнями в седую глубину их собственной истории и представляющее собой ценное наследие предков. Именно его пытается передать своим современникам херонейский писатель и философ Плутарх: он стремится научить других жить так, как жили представители среднего класса в золотой век античного полиса. Пайдейя для него – один из основных способов создания образа Героя. Основной же элемент самой пайдейи – *ἀρετή*, добродетель. Именно на них опираются персонажи его «Сравнительных жизнеописаний». Именно на них, по мнению мыслителя, следует опереться и его читателям.

Устойчивость духовных идеалов античности доказывается тем, что они не теряют своего значения ни в век расцвета полиса (эпоху Платона), ни во времена его кризиса (эпоху Аристотеля), ни в годы, предшествующие Золотому Веку Римской Империи (эпоха Плутарха). Следует ли напоминать о том, что в той или иной форме они живы до сих пор?

⁶ Перечень состязаний напоминает нам об Олимпийских играх, одном из самых известных проявлений эллинской агональной культуры. Ю.В. Шанин считает, что погребальные игры, устроенные Ахиллом, вполне можно назвать «Малыми Олимпийскими»: это связано с тем набором «дисциплин», в которых соревнуются герои [Шанин, 2001, с. 89].

Список источников

- Брагинская Н.В. 1983. Аристотель. Никомахова этика. Собрание сочинений. В 2 т. Москва, Мысль, Т. 4: 53–294.
- Гнедич Н.И., Зайцев А.И. 2008. Гомер. Илиада. 2-е изд. Санкт-Петербург, Наука. 574 с.
- Егунов А.Н. 1994. Платон. Государство. Собрание сочинений. В 4 т. Москва, Мысль. Т. 3: 79–389.
- Соболевский С.И. 1961. Плутарх. Перикл. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. Москва, Изд-во Академии наук СССР. Т. I: 196–224.
- Соболевский С.И. 1961. Плутарх. Фемистокл. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. Москва, Изд-во Академии наук СССР. Т. I: 146–167.
- Perrin B. 1932. Plutarchs Lives. Pericles. London, William Heinemann Ltd; New York, G.P. Putnam's sons, vol. III: 2–115.
- Lindskog C., Ziegler K. 1969. Plutarchus. Themistocles. Leipzig, B.G. Teubner Verlagsgesellschaft, vol. I, fasc. 1: 157–197.
- Murray A. 1947. Homer. The Iliad. Cambridge, MA, Harvard University Press; London, William Heinemann Ltd., vol. 2: 644 p.
- Rackham H. 1956. Aristotle. The Nicomachean Ethics. Cambridge, MA, Harvard University Press; London, William Heinemann Ltd. 688 p.
- Shorey P. 1943. Plato. The Republic. Cambridge, MA, Harvard University Press; London, William Heinemann Ltd., vol. 1: 549 p.

Список литературы

- Аверинцев С.С. 1973. Плутарх и античная биография. Москва, Наука, 279 с.
- Вейсман А.Д. 2006. Греческо-русский словарь. Москва, Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1370 стб.
- Дворецкий И.Х. 1958. Древнегреческо-русский словарь: в 2-х т. Т. I–II. Под ред. С.И. Соболевского. Москва, «Государственное издательство иностранных и национальных словарей», 1904 с.
- Йегер В. 2001. Пайдейя. Воспитание античного грека. Пер. с нем. А.И. Любжина. Т. 1. Москва, Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина. 593 с. (W. Jäger. Paideia. 1936. Die Formung des griechischen Menschen. 2. Aufl. Berlin, Walter de Gruyter & Co. Bd. I. 513 S.).
- Карлейль Т. 2008. Герои, почитание героев и героическое в истории. Пер. В.И. Яковенко. Москва, Эксмо. 864 с. (Carlyle T. 1840. On heroes, hero-worship & the heroic in history. London, James Fraser, Regent Street, 232 p.).
- Лосев А. 1983. Плутарх. Очерк жизни и творчества. В кн: Плутарх. Сочинения. Сост. С. Аверинцева, вступ. статья А. Лосева, коммент. А. Столярова. Москва, Издательство «Художественная литература»: 5–44.
- Любкер Ф. 1885. Реальный словарь классических древностей. Санкт-Петербург, Изд-е общества классической филологии и педагогики, 1550 стб.
- Мелетинский Е.М. 1994. Герой. В кн: Мифы народов мира. Гл. ред. С.А. Токарев. Москва, Рос. Энциклопедия: 296–297.
- Фролов Э.Д. 2013. Эвагор. В: Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. Москва, Ладомир: 181–199.
- Шанин Ю.В. 2001. Олимпия. История античного атлетизма. Под ред. В.И. Кузищина. Санкт-Петербург, Алетейя, 191 с.
- Duff T. 2008. Models of Education in Plutarch. In: Journal of Hellenic Studies, 128. London, The Society for the Promotion of Hellenic Studies: 1–26.
- Duff T. 2023. Plutarch as Moral and Political Educator. In: The Cambridge Companion to Plutarch. Ed. by F. Titchener and A. Zadorojnyi. Cambridge, Cambridge University Press: 47–78.
- Frisk H. 1991. Griechisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. Heidelberg, Carl Winter; Universitätsverlag. Bd. I. 938 p.
- Frost F.J. 1980. Plutarch's Themistocles: A Historical Commentary. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 252 p.
- Hero. 1910. In: The Encyclopaedia Britannica, Eleventh Edition, vol. XIII: Harmony to Hurstmonceaux. Cambridge, University Press: 374–378.
- Ziegler K. 1979. Plutarchos. In: Der kleine Pauly. In 5 Bde. Bd. 4. München, Deutscher Taschenbuch Verlag, 945–953.

References

- Averintsev S.S. 1973. Plutarkh i antichnaya biografiya [Plutarch and the Ancient Biography]. Moscow, Nauka, 279 p.
- Veysman A.D. 2006. Grechesko-russkiy slovar' [Greek-Russian Dictionary]. Moscow, Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina, 1370 p.
- Dvoretzkiy I.Kh. 1958. Drevnegrechesko-russkiy slovar': v 2-kh t. T. I–II [Greek-Russian Dictionary in 2 Volumes: Vol. I–II]. Pod red. S.I. Sobolevskogo. Moscow, «Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey», 1904 p.
- Yeger V. 2001. Paydeyya. Vospitanie antichnogo greka. T. 1 [Paideia. Education of an Ancient Greek Man. Vol. 1]. Per. s nem. A.I. Lyubzhina. Moscow, Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina. 593 p. (W. Jäger. Paideia. 1936. Die Formung des griechischen Menschen. 2. Aufl. Berlin, Walter de Gruyter & Co. Bd. I. 513 S.).
- Karleyl' T. 2008. Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii [On Heroes, Hero-Worship & the Heroic in History]. Per. V.I. Yakovenko. Moscow, Eksmo. 864 p. (Carlyle T. 1840. On Heroes, Hero-Worship & the Heroic in History. London, James Fraser, Regent Street, 232 p.).
- Losev A. 1983. Plutarkh. Ocherk zhizni i tvorchestva [Plutarch. Essay of His Life and Works]. V kn: Plutarkh. Sochineniya [Plutarch. Works]. Sost. S. Averintseva, vstup. stat'ya A. Loseva, komment. A. Stolyarova. Moscow, Izdatel'stvo «Khudozhestvennaya literatura»: 5–44.
- Lyubker F. 1885. Real'nyy slovar' klassicheskikh drevnostey [Dictionary of Classical Antiquities]. Saint Petersburg, Izd-e obshchestva klassicheskoy filologii i pedagogiki, 1550 columns.
- Meletinskiy E.M. 1994. Geroj [Hero]. V kn: Mify narodov mira [Myths of World's Nations]. 2-e izd. Moscow, Ros. Jenciklopedija: 296–297.
- Shanin Yu.V. 2001. Olimpiya. Istoriya antichnogo atletizma [Olimpia. History of the Ancient Athletics]. Pod red. V.I. Kuzishchina. Saint Petersburg, Aleteyya, 191 p.
- Duff T. 2008. Models of Education in Plutarch. In: Journal of Hellenic Studies, 128. London, The Society for the Promotion of Hellenic Studies: 1–26.
- Duff T. 2023. Plutarch as Moral and Political Educator. In: The Cambridge Companion to Plutarch. Ed. by F. Titchener and A. Zadorojnyi. Cambridge, Cambridge University Press: 47–78.
- Frisk H. 1991. Griechisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. Heidelberg, Carl Winter; Universitätsverlag. Bd. I. 938 p.
- Frost F.J. 1980. Plutarch's Themistocles: A Historical Commentary. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 252 p.
- Hero. 1910. In: The Encyclopaedia Britannica, Eleventh Edition, vol. XIII: Harmony to Hurstmonceaux. Cambridge, University Press: 374–378.
- Ziegler K. 1979. Plutarchos. In: Der kleine Pauly. In 5 Bde. Bd. 4. München, Deutscher Taschenbuch Verlag, 945–953.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 06.06.2024

Received 06.06.2024

Поступила после рецензирования 05.09.2024

Revised 05.09.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Accepted 09.09.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бутов Артем Андреевич, аспирант кафедры Древнего мира, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

Artyom A. Butov, Postgraduate Student, Department of the Ancient World, Saratov State University, Saratov, Russia

 [ORCID: 0009-0000-9306-8642](https://orcid.org/0009-0000-9306-8642)